

Он всего лишь хотел показать своего питомца лекарю, а в итоге ввязался в череду нелепых, почти анекдотичных происшествий.

Когда Цю Чэньчжи наконец добрался до самого известного в городе кошачьего целителя, тот лишь развёл руками: мол, зверь абсолютно здоров и придраться не к чему.

В конце концов старейшина потерял всякое терпение препираться с людьми из Дворца Лелеяния Цветов. Бросив недоумевающих адептов и их нелепого молодого градоначальника, он прижал кота к груди и зашагал обратно в свои покои в Приюте Бессмертных Гостей.

Под изумлёнными взглядами учеников Ордена Великого Небытия старейшина прошёл к себе, сбросил верхнее одеяние и, забыв о привычном благообразии, пластом рухнул на мягкую постель.

Чёрный кот озадаченно склонил голову набок, а заприметив, что хозяин улёгся, тут же юркнул под тонкое одеяло и свернулся клубочком у него на груди.

Цю Чэньчжи лениво погладил мягкую макушку питомца. Веки потяжелели, тёмные ресницы дрогнули, и глаза его медленно закрылись.

Путь от самого Ордена Великого Небытия выдался долгим. Он без усталости летел на мече, преодолевая горы и реки под палящим солнцем и холодными звёздами. И пусть истощения заклинатель не чувствовал, мягкое тепло постели сделало своё дело — навалилась непреодолимая дремота.

Цю Чэньчжи позволил себе забыться глубоким сном.

Он спал беспробудно. Сквозь вязкий туман грёз ему мерещилось, будто кто-то замер рядом и пристально, не отрываясь, вглядывается в его лицо. Но дрема сковала тело, не позволяя разомкнуть веки.

Этот таинственный гость лежал с ним на одном ложе, прижимаясь почти вплотную и собственнически обнимая за плечи.

Кожа незнакомца дышала могильным холодом; голова Цю Чэньчжи покоилась на его предплечье, словно на куске безжизненного ледяного нефрита.

Подсознательно Цю Чэньчжи почувствовал тревогу. Он тщетно пытался проснуться, но ледяные пальцы мягко коснулись его межбровья. Они ласково очертили разлёт бровей, скользнули вниз по переносице и с глубокой, щемящей нежностью замерли у уголков губ.

Прикосновение отзывалось странной, едва уловимой прохладой, которая казалась смутно знакомой. Чей-то взгляд, такой же холодный и одновременно исполненный безмолвного тепла,

ласкал его лицо.

Сквозь полусон Цю Чэньчжи ощущал, как под этой ледяной коркой скрывается обжигающее пламя.

Силуэт над ним склонился ещё ниже, приближаясь к спящему лицу. Шелковистые холодные пряди скользнули по щекам Цю Чэньчжи, приятно щекоча кожу.

Он уловил едва заметное дыхание — слабое, но наконец-то тёплое, живое.

Тёплый выдох коснулся губ, скользнул к уху, и невидимый гость негромко, с хрипотой в голосе, позвал:

— Чэньчжи...

— Я здесь.

Цю Чэньчжи распахнул глаза и резко сел на постели.

В груди поселился зябкий холод. Холодный пот выступил на лбу, намочив волосы у висков. Взгляд светлых глаз никак не мог сфокусироваться. Он долго сидел, прислонившись к изголовью и тяжело дыша, прежде чем окончательно пришёл в себя.

Стоило дыханию выровняться, как ускользающее сновидение, только что казавшееся невероятно отчётливым, растаяло без следа. Все детали стёрлись, оставив лишь гнетущее чувство недосказанности.

Лишь фантомное ощущение чужого присутствия всё ещё покалывало кожу.

Цю Чэньчжи устало прижал ладонь ко лбу.

«С чего бы мне видеть столь странный и в то же время до боли знакомый сон?»

Опустив взгляд, он почувствовал странную тяжесть у воротника. На его груди, прямо напротив сердца, свернулся пушистый, но совершенно ледяной комок.

У Цю Чэньчжи дрогнул уголок рта. Он оттянул край нательного белья и обнаружил, что чёрный наглец, перед сном мирно дремавший под боком, ухитрился забраться к нему за пазуху.

Теперь этот черныш всюду сопел, тесно прижавшись к его обнажённой груди и устроившись

ровно на бледном шраме у самого сердца.

Почему-то тельце зверька казалось ледяным. В нём не чувствовалось ни капли тепла, словно под рубаху подложили кусок речного льда.

«Если домашнего любимца даже погладить неприятно, то какой от него прок?»

Должно быть, от резкого движения хозяина кот наконец повёл ушами. Крайне неохотно он приоткрыл глаза и высунул из-за пазухи мохнатую мордочку, сердито сощурившись на Цю Чэньчжи.

Глядя на эту недовольную мину, Цю Чэньчжи едва не рассмеялся от возмущения.

«У этого паршивца ещё и характер скверный? Мало того что остыл до состояния ледышки, так ещё и устроился прямо на груди. Неудивительно, что мне привиделись те ледяные пальцы».

Он со вздохом вытащил кота за шкурку из-за пазухи.

Поняв, что его выдворяют, кот мгновенно выпустил когти, намертво вцепившись в ткань рубахи. Прижав уши, он обвил лапами и хвостом запястье Цю Чэньчжи и яростно замяукал, словно костеря его на чём свет стоит.

«Ах ты неблагодарный! Поматросил и бросил! Меняешься быстрее, чем погода в горах!»

Зверь прямо-таки исходил злобой.

Словно догадавшись, что хозяину не по душе его ледяной нрав, кот сердито встряхнулся. В то же мгновение по его телу разлилось живое тепло, и он вновь стал самым обыкновенным, тёплым котом.

Ну, или по крайней мере, очень искусно притворился таковым.

Цю Чэньчжи, воочию ощутив эти температурные метаморфозы, даже не нашёл в себе сил удивиться.

Он и раньше догадывался, что его питомец — зверь исключительный, умный и способный постоять за себя. Но чтобы контролировать температуру собственного тела по щелчку пальцев? Это выходило за любые рамки.

«Того кошачьего лекаря нужно гнать вшаей! Как у него только язык повернулся заявить, что это самый обыкновенный уличный кот? У кого ещё дома живёт такая "обыкновенная" грелка?

Неужели все обычные коты умеют превращаться в кусок льда?»

Пока старейшина в нерешительности легонько щёлкал кота по носу, гадая, к какому древнему демоническому роду принадлежит эта бестия, в дверь деликатно постучали. Из коридора донёлся робкий голос Бай Цзюя:

— Старейшина, вы уже проснулись?

Цю Чэньчжи, даже не взглянув на дверь, отозвался:

— Войди.

Дверь тихонько скрипнула. Бай Цзюй проскользнул в комнату с широкой, добродушной улыбкой. В руках он благоговейно держал изящный, вырезанный из чистейшего нефрита жезл Жуи, мягко сияющий в полумраке.

— Старейшина, вчера вечером вас навещал владыка Дворца Лелеяния Цветов, господин Чу, — заговорил юноша, подходя ближе. — Владыка Чу просил передать свои глубочайшие извинения за nepзoвoлитeльную дерзость младшей сестры. Хотя вы великодушно не стали наказывать девицу, он посчитал, что Дворец Лелеяния Цветов обязан загладить вину. В знак признательности за ваше снисхождение он преподносит этот нефритовый жезл Жуи.

Цю Чэньчжи лениво поглаживал взъерошенную шерсть всё ещё дующегося кота, мельком взглянув на подношение.

Жезл был великолепен: полупрозрачный нефрит без единого изъяна, тончайшая резьба и едва уловимое колебание чистой духовной энергии. Очевидно, вещь была непростой — редкое сокровище из мира заклинателей, как нельзя лучше подходящее для подношения почтенному мастеру Ордена Великого Небытия.

И хотя артефакт нельзя было назвать бесценным, в нём чувствовалось искреннее почтение дарителя. Чу Юнь выказал должное уважение — без лишнего подбoстpaстия, но с безупречным тактом.

Владыка Чу Юнь... Цю Чэньчжи невольно вспомнил статного молодого человека в алых одеждах, которого видел накануне. Облик и манеры этого юноши вызывали у него невольную симпатию.

Чу Юнь умел держать себя с достоинством, отлично понимал расстановку сил и ясно видел: нынешнему Дворцу Лелеяния Цветов ни в коем случае нельзя ссориться с могущественным Орденом Великого Небытия. Именно поэтому он без колебаний осадил вздорную сестру Чу Си и сам, будучи главой ордена, принёс извинения.

Подобная гибкость ума и дальновидность выгодно отличали его от глупой и несдержанной девицы.

Пожалуй, именно из-за приятного впечатления, которое оставил о себе молодой владыка, Цю Чэньчжи не дал делу ход. Кто же знал, что Чу Юнь окажется настолько предусмотрителен, что пришлёт столь щедрый подарок.

Сам старейшина к редким побрякушкам был равнодушен. Он небрежно махнул рукой:

— Вчера произошло досадное недоразумение, не более того. На этом вопрос закрыт. Отнеси жезл Мо Ханю, пусть приберёт. И передай ему, чтобы больше не донимал людей из Дворца Лелеяния Цветов.

Выслушав распоряжение, Бай Цзыюй согласно кивнул:

— Понял, я сейчас же передам старшему брату... Старейшина!

Юноша прервался на полуслове. Подняв глаза, он замер: Цю Чэньчжи небрежно полулежал на постели, набросив лишь тонкие нательные одежды. Тёмные волосы, обычно собранные в строгую причёску, шёлком рассыпались по плечам, а ворот рубахи распахнулся, приоткрывая безупречно белую, словно резной нефрит, кожу груди.

В отличие от привычного, холодного и недостижимого образа сурового наставника, сейчас старейшина выглядел необычайно расслабленным, домашним... и в этой его небрежности сквозило нечто пленительное, почти интимное.

Простодушный юноша опешил от столь неожиданного зрелища и невольно охнул.

Сразу поняв, как глупо это прозвучало, он спешно зажал рот ладонью и уставился в пол. Однако краска мгновенно залила его лицо, перекидываясь на шею и кончики ушей.

Заметив смущение гостя, чёрный кот в руках старейшины грозно зашипел и попытался вырваться, растопырив когтистые лапы, но Цю Чэньчжи ловко перехватил его за шкуру и прижал обратно.

«Нынешняя молодёжь... Вроде совсем ещё дети, а в головах бог весть какие вольности!»

Кот устроился поудобнее, тихо ворча и косясь на испуганного адепта, при этом демонстративно утыкаясь мордочкой в приоткрытую грудь хозяина.

«И правда... сплошное бесстыдство!»

Сам Цю Чэньчжи ничуть не смутился. Ему лишь показалось забавным, что юноша так легко теряет самообладание. К чему такие приличия между мужчинами?

Он небрежно запахнул воротник и, поглаживая вертящегося кота, спросил:

— Что-то ещё?

Бай Цзыюй кое-как совладал с собой, но смотреть на старейшину по-прежнему не решался.

— Старейшина, сегодня великие ордены отправляются к горе Лазурного Севера, чтобы войти в Малое Иллюзорное Царство. Старший брат Мо Хань просил передать, что ожидает вас внизу, как только вы закончите с утренним туалетом.

«Малое Иллюзорное Царство... Надо же, совсем из головы вылетело!»

Цю Чэньчжи поднялся с постели, намереваясь переодеться.

— Адепты других орденов уже на месте?

Заметив, что старейшина собирается сменить одежды, юноша испуганно отступил и затараторил, запинаясь:

— Да... Монахи из Храма Великих Свершений, писцы из Обители Десяти Тысяч Книг и заклинатели из Дворца Лелеяния Цветов... Все они, должно быть, уже на подходе к подножию горы Лазурного Севера...

С этими словами он, словно спасаясь от пожара, выскочил за дверь, бросив напоследок:

— Старейшина, я распоряжусь насчёт горячей воды! Не нужно звать слуг постоянного двора, я сам вернусь и помогу вам собрать волосы!

Дверь с хлопком захлопнулась. Прежде чем Цю Чэньчжи успел вставить хоть слово, юноша уже скрылся из виду.

Проведя рукой по растрёпанным прядям, старейшина лишь покачал головой и улыбнулся — пускай делает что хочет.

Тем временем в резиденции градоначальника Города Гор и Морей другой молодой человек устраивал нешуточный переполох, требуя отпустить его к горе Лазурного Севера.

— Если ученикам всех этих орденов можно, то почему мне нельзя?! Наш Город Гор и Морей что, хуже остальных?!

Вэй Сяохань в сердцах отшвырнул свой любимый веер с костяными пластинами и принялся взволнованно мерить шагами внутренний дворик.

— Я просто хочу разок взглянуть, разве это много?! Старик, неужели тебе жалко исполнить одну маленькую просьбу? — капризно канючил он.

Перед ним стоял мужчина, чьи черты лица неувовимо напоминали его собственные. Несмотря на затаившуюся в глазах мудрость прожитых лет, выглядел он на удивление молодо. Облачённый в дорогие парчовые одежды, он излучал властную суровость правителя, даже не повышая голоса. Это был Вэй Юаньсюэ, градоначальник Города Гор и Морей.

— Я сказал: ты никуда не пойдёшь, — отрезал отец.

Вэй Юаньсюэ, которому едва исполнилось триста лет, с нескрываеомой головной болью воззрился на своего единственного отпрыска. На его красивом лице застыла суровая маска, а слова падали тяжело, словно камни.

Вэй Сяохань, привыкший к слепой родительской любви, ничуть не испугался этого взгляда.

— Но почему?! Старик, ты должен хотя бы объяснить причину!

Вэй Юаньсюэ окончательно лишился всякого терпения перед глупостью сына. Устало потеряв виски, он тяжело вздохнул:

— Прежде тебя и под страхом смерти нельзя было затащить к этой горе Лазурного Севера. С чего вдруг такое рвение именно сейчас?

Вэй Сяохань гордо выпятил грудь и затараторил с честнейшим лицом:

— Твой сын наконец-то решил взяться за ум! Я хочу испытать себя, прославить наше имя на просторах Малого Иллюзорного Царства, а если повезёт — встретить там великую судьбу! Зачем ты мешаешь моему триумфу?

Градоначальник едва не поперхнулся от столь наглой лжи. Но стоило ему открыть рот, чтобы задать сыну хорошую трёпку, как занавеска позади них колыхнулась, и послышался негромкий, вкрадчивый смешок.

— Молодой градоначальник так рвётся к горе, полагаю, вовсе не за сокровищами и славой. Все его помыслы заняты некой прекрасной особой, которая тоже отправляется в Малое

Иллюзорное Царство. Вот юноша и жаждет сопровождать предмет своих грёз...

Из-за бамбуковой ширмы показался молодой человек. Одет он был в простое зелёное одеяние, а его бледное, болезненное лицо и тонкие пальцы, сжимавшие пожелтевший бумажный зонт, выдавали в нём утончённого странствующего книжника.

Незнакомец неторопливо подошёл к ним, и на его бледных губах заиграла насмешливая улыбка:

— Я ведь угадал, не так ли?

Вэй Сяохань тут же насупился, с подозрением разглядывая чужака.

— Ты ещё кто такой? И откуда тебе знать мои мысли?

Книжник в зелёном лишь загадочно прищурился:

— Откуда? Какое совпадение... Одно моё давнее и страстное желание тоже ведёт меня в это Малое Иллюзорное Царство. И человек, которого я жажду обрести больше всего на свете, тоже будет там.

Ирония судьбы заключалась в том, что этот таинственный гость и молодой наследник грезили об одном и том же человеке.

«Какая прелесть».

Вэй Сяохань совсем растерялся, силясь разгадать этот намёк. Градоначальник же поспешно кашлянул и заслонил собой непутёвого сына:

— Просту простить моего несносного мальчишку, Демонический владыка. Он у меня единственный наследник.

«Если мы хотим продолжать наше дело, тебе лучше держать свои кровожадные помыслы при себе и не смей трогать мою плоть и кровь!»

Вместо ответа зеленоодетый путник лишь тихо рассмеялся — холодно, без единой живой эмоции.

— Ну так что, градоначальник Вэй? Обдумали ли вы моё предложение?

Мягкое утреннее солнце заливало дворик золотистым светом, согревая каждого. И лишь

фигура под бумажным зонтом оставалась окутана плотной, зловещей тенью.

Глупый Вэй Сяохань даже не подозревал, что только что разминулся со смертью на волосок.

И уж тем более ему не могло прийти в голову, что прямо перед ним стоит истинный владыка демонических земель —

Сюаньян.

<http://bllate.org/book/20750/2141168>